

Ирина Алефова

Яд для Моцарта

Ирина Алефова
Яд для Моцарта

«Научная книга»

2013

Алефова И.

Яд для Моцарта / И. Алефова — «Научная книга», 2013

Автор совершенно честно предупреждает читателя, чей пресыщенный литературными деликатесами взгляд выхватил интригующее название этой книги из бесконечного ряда ему подобных в предвкушении проглотить еще одну щедро приперченную порцию детективного чтива, что на сей раз чутье его подвело: это не детектив.

Содержание

Кое-что, о чем необходимо знать заранее	6
Диалог с паузами	13
История первая. Лицом к лицу	15
Диалог с паузами	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Ирина Алефова
Яд для Моцарта. Сюита-фантазия
на тему в ритме вневремени

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Кое-что, о чем необходимо знать заранее

Автор совершенно честно предупреждает читателя, чей пресыщенный литературными деликатесами взгляд выхватил интригующее название этой книги из бесконечного ряда ему подобных в предвкушении проглотить еще одну щедро приперченную порцию детективного чтива, что на сей раз чутье его подвело: это не детектив.

Для тех, кто не отложил книгу в сторону и перевернул страницу, несмотря на вышеизложенное предупреждение, маленькое уточнение: это не совсем детектив.

Абсолютным недетективом эту книгу назвать тоже нельзя, поскольку яд все-таки имел место быть, посему ни одну из нижеупомянутых смертей нельзя однозначно признать естественной, а некоторое сопоставление фактов так и напрашивается выпасть из ряда простых совпадений. Более того, автор настаивает на том утверждении, что в мире ничто не происходит просто так, все не случайно и имеет на то веские причины и основания.

Для того чтобы окончательно внести ясность по поводу того, во что читатель по оплошности ввязался, автор считает необходимым предоставить некоторые разъяснения.

Разъяснение 1, касающееся жанра

Термин «сюита... на тему» – один из тех многосмысловых слов, о которых втолковывал неразумной Алисе Шалтай-Болтай. Этот литературно-музыкальный жанровый гибрид предполагает ряд танцев (в нашем случае – историй), которые одновременно могут являться вариациями-вариантами одной и той же темы, положенной в их основу.

Кроме того, подзаголовок «фантазия» позволяет автору кое-какие вольности и отступления от жанровых предпосылок, с одной стороны, а с другой – полностью снимает с него всякую ответственность за правдивость сюжетной линии и отклонения от реальных фактов. Впрочем, не исключено, что все написанное здесь имело место быть. Опровергнуть сие утверждение практически невозможно.

Разъяснение 2, касающееся особенностей композиционного устройства

Структура сюиты-фантазии укладывается в следующую схему:

$$x - A(Ex) - x - B - x - C - x - D - x - E - \frac{A(R) - x \text{ Tema}}{\text{coda}}$$

Первоначально в намерения автора входило подробное растолкование вышенаписанной схемы, но вскоре ему стала ясна абсурдность этой идеи, посему схема предлагается читателю на его собственное исследование.

Внимательный взгляд без труда обнаружит в ней как законы вечного кругового вращения, так и принцип нанизывания на некую непрерывную вневременную ось нескольких самостоятельных эпизодов, вынутых из истории. Одновременно эти эпизоды являются гранями одного кристалла, на уровне музыкальной формы выполняя функцию вариаций-вариантов одной и той же темы.

Последний раздел, обозначенный в схеме как «кода», включает в себя финалы развития двух вышеобозначенных линий. В одном из них содержится разгадка детектива, другой же имеет несколько иное предназначение.

Помимо несомненной пользы, безусловно извлеченной глубокомысленным читателем из предложенной схемы, а также – смысла, вложенного им же на освободившееся место, формула строения композиции попросту позволит более свободно ориентироваться в пространстве текста.

Разъяснение 3, касающееся непонятных иностранных слов, то и дело встречающихся по тексту и сбивающих читателя с толку, которое плавно перерастает в

ПРИЛОЖЕНИЕ,

составленное в виде алфавитного словаря терминов, встречающихся в тексте того или иного музыкального произведения. Примечательно, что в Приложении органично уживаются между собой слова, заимствованные из четырех языков (трех живых и одного мертвого) с переводом на пятый, доступный читателю.

К нижеследующему Приложению рекомендуется обращаться при непосредственном столкновении с каким-либо из терминов при чтении, в особенности тем, кто не имеет музыкального образования. Это позволит наиболее точно услышать звучание музыки, которая проходит позади первичного – словесного – уровня и наделяет его дополнительным смысловым подтекстом, тем самым увеличивая пространство книги в глубину.

Указатель звуковых ориентиров

А

atempo – в прежнем темпе. Репарка относится, как правило, к моментам возвращений, после вторжения контрастных эпизодов

accelerando – постепенно ускоряя движение, переходя с шага на легкий, а затем и довольно быстрый бег, но, впрочем, не доведенный до одышки

adlibitum – по желанию исполнителя, полагаясь на ритм собственного сердца и внутреннюю пульсацию крови, совпадающие с дыханием музыки

agile – легко, бегло, полетно, одним прыжком отталкиваясь от земли

agitato – взволнованно, возбужденно, нервно шагая по комнате и хватая воздух руками

alla – в духе, в характере

allegretto – немного сдержаннее и танцевальнее, чем следующий термин

allegro – скоро, быстро, не задерживаясь лишней раз ни на минуту – всякое может случиться из-за непредвиденной заминки, потому что неизвестно, кто и зачем бежит сзади

amabile – приветливо, любезно, дружелюбно глядя собеседнику в глаза

andante – не спеша, спокойно, рассудительно, может быть, даже созерцательно

andantino – немного подвижнее и легкомысленнее, чем предыдущий термин

animato – воодушевленно, вдохновенно, словно подчиняясь порыву теплого волшебного ветра

appassionato – страстно, горячо, экзальтированно, якобы пребывая в тяжелом лихорадочном состоянии

assai – весьма

attaca – внезапно, без какого-либо перехода, избегая пауз и остановок – для создания эффекта яркого контраста

В

belebt – живо, оживленно

bruscamente – грубо, резко; подобно тому, как рубят деревья

burlesco – комически, откровенно потешаясь

С

cadenza – особый раздел музыкального произведения, в котором звучит кульминационное высказывание, из чего многое становится понятным. Каденции очень удобны для того, чтобы расставить все точки над *i*, а посему обычно помещаются в третьей четверти формы произведения или же в конце. Впрочем, возможны и исключения

calmanto – успокаивая, поглаживая по оголенным нервам

cantabile – певуче, плавно напевая, словно выводя извилистую музыкальную линию ловким смычком

capriccioso – капризно, в зависимости от контекста – либо кокетничая, либо устраивая легкий скандалчик, но в любом случае должны быть слышны интонации женского голоса

con amore – с любовью; более подробно – с тайным трепетом, с замиранием сердца, с восхищением, с огромной нежностью и глубокой печалью одновременно, а также со всеми прочими известными вам компонентами, которые составляют искренне и противоречивое чувство настоящей ЛЮБВИ

condolore – с грустью и невыразимой печалью, что таится на обратной стороне луны и в каждом осколке разбившейся тени

con forza – с силой, ударяя по каждому слову, абсолютно не жалея о том

con grazia – с грацией и элегантностью, с невыразимым и совершенным изяществом, присутствующим только самым тончайшим материям, из которых сотканы живые существа

con grottesco – с гротеском, откровенно издеваясь, нарочно обостряя углы и обрезая закругленности, способные смягчить резкую диссонантность звучания

con moto – с движением, рассчитывая куда-то успеть

con preghiera – с упованием и мольбой ко Всевышнему, беззвучно, одним шевелением губ произнося молитву, трепетно касаясь клавиатуры

con citato – взволнованно, возбужденно, страстно

Д

deciso – решительно, руководствуясь твердой волей и холодным разумом

disinvolto – непринужденно и просто; так обычно говорят о самых банальных и естественных вещах, например, о погоде или о рассаживании цветов

doloroso – очень печально, проникая в самые отдаленные уголки души

doux – нежно, мягко, с некоторым спокойствием и умиротворенностью, но в той лишь степени, в которой это состояние свойственно французам

duramente – грубо, жестко, не выбирая слов и выражений, не жалея клавиш, не задумываясь о последствиях и доставляемой адресату боли

Е

espressivo – выразительно, с полным набором чувств, эмоций, мимики и характерных жестов наподобие грациозных поворотов кисти и изгибов шеи

Ф

feroce – неистово, дико, с агрессивными повадками хищного зверя, сверкающего из темноты опасностью

funebre – скорбно, мрачно, угрюмо, одевшись во все черное, прикрыв глаза и изо всех сил сдерживая раздражение

furioso – бешено, яростно, подобно демоническим фуриям или в характере разыгравшихся стихий

Г

giocoso – шутливо, весело, как проказничают и радуются шаловливые дети

grave – важно, степенно, значительно, каждый звук имеет немалый вес, поэтому между ними рекомендуется делать паузы и брать дыхание

Н

humoreske – миниатюра-зарисовка юмористического характера

И

infernale – дьявольский, наводящий ужас и страх; звуки, рожденные в самых последних кругах ада

inquieto – тревожно, обеспокоенно, повинувшись нехорошему предчувствию, внешне якобы совершенно необоснованному

intimo – интимно, откровенно, задушевно, поверяя собеседнику наиболее скрываемые от посторонних глаз затемненности

irato – гневно, раздраженно, с напряженной внутренней пульсацией и дрожью в голосе

ironico – иронически, насмешливо

Л

lamentabile – в высшей степени жалобно, сетуя на злую судьбу, тяжелую участь, невыносимую ношу, неудобный крест и прочие неотъемлемые явления бытия подобного рода

leggiere – по-летнему беззаботно и легко, порхая цветной бабочкой среди роскошных благоухающих цветов

leise – негромко, сдержанно

limpido – утренне-ясно, родниково-прозрачно, кристально-чисто, с легкой улыбкой на устах младенца

М

maestoso – торжественно, под звуки триумфального марша, с горделивой осанкой, прямой спиной, грудью колесом и властным взглядом

marcato – подчеркивая, словно подстраивая под каждый звук более прочный фундамент, для опоры

meditation – размышление, длительное и неспешное раздумье, погруженность в себя, рекомендуется прием самого глубокого прикосновения

mesto – печально, с затаенной ноткой скорби и безысходности

misterioso – таинственно, внушая всем видом намек на существование некоего откровения, постичь которое возможно только избранным

moderato – умеренно, т. е. соблюдая во всем меру

morendo – замирая, застывая на полувздохе, полужесте, полуслове, что характерно для полного и бесповоротного наступления тихой осени

Н

narrante – говорком, рассказывая о вещах обычных, служащих скорее фоном для основных событий, но без которых обойтись совершенно невозможно – как невозможно вырастить что-либо живое на камнях

nontropo – не спеша, размеренно, в темпе спокойного и неторопливого шага – так прогуливаются по пустынным коридорам официальных заведений в ожидании

О

overture – вступительный раздел небольшого музыкального произведения или же самостоятельная часть крупного жанра (оперы или балета), открывающая своим звучанием занавес и раскрывающая слушателям особенности и законы предстоящего мира

Р

parlando – быстро проговаривая, время от времени переходя на шепот, после чего вполне правомерно вновь набирая полную силу звука – в зависимости от контекста

pensieroso – задумчиво, мягко погружаясь в клавиатуру подобно тому, как рука уходит в воду, приобретая особую плавность и размытость контуров

piumosso – более подвижно, чем до сего момента; такое бывает, когда внезапно вспоминаешь о чем-то важном или новая мысль приходит в голову и заставляет действовать

pittoresco – живописно, картинно, якобы рисуя звуками и гармониями, которые используются в данном случае вместо красок, полотна удивительной естественности и неподражаемой красоты

poco – постепенно, более, шаг за шагом

potroso – пышно, важно. Исполнитель, которому в тексте музыкального произведения встречается такая ремарка, должен непременно представить себя на феерическом балу эпохи барокко, облаченным в роскошный наряд. Иначе выполнить требования автора будет практически невозможно

Q

quasi – термин волшебный. С его помощью музыка способна перевоплощаться в то качество, характер или жанр, который указан рядом. И тут важно очень верно подметить новое настроение звучания, дабы не напяливать на музыку откровенно-фальшивую маску

R

recitativ – речитатив, форма мелодико-речевого декламирования, посредством которой слушатель узнает о событиях, происходивших за кадром, но повлиявших на развитие действия самым непосредственным образом. В чисто инструментальной музыке применяется в качестве отдельного фрагмента повествовательно-декламационного характера

resoluto – решительно, собранно, готовясь к важному сражению или выполнению ответственного задания

ritardando – расширяя пространство, главным образом за счет запаздывания, растягивания времени и более свободного и глубокого дыхания

ritenuto – сдерживая, несколько замедляя ход событий, придавая тем самым звучанию большую значимость и подчеркивая содержательность текста

rubato – свободно, ориентируясь на предыдущее указание и на собственное усмотрение, исходящее от чувства музыки

S

sarabanda – сарабанда, траурно-танцевальный жанр-шествие, входящий в инструментальную доклассическую и классическую сюиту. Отличается сдержанностью темпа, спокойствием и размеренностью трехдольного метроритма с характерной остановкой на второй доле. Несет в себе оттенок скорби и печали

scherzando – скерцозно, шутивно, забавляясь

scherzo – скерцо, самостоятельный жанр инструментальной музыки, а ранее – отдельная часть сонатного цикла с ярко выраженным игровым характером. В зависимости от контекста скерцо может быть в равной степени как добрым и простодушным, так и остро-конфликтным, трагичным, злым etc.

sciolto – свободно, непринужденно, с ощущением абсолютного отсутствия границ и преград, и от радости, и из непривычности подобного чувства – несколько порывисто, бурно, даже резковато

secco – сухо, жестко, отрывисто, словно разговаривая с недоброжелателем, процеживая слова сквозь зубы

semplice – просто и ясно, естественно и легко; исполнитель обязан проникнуться чувством комфорта и уюта домашнего очага, ощутить себя в кругу самых близких и родных людей, с которыми можно быть самим собой

serioso – серьезно, пристально и напряженно глядя в глаза; звукоизвлечение плотное, но задерживаться все же не рекомендуется

sforzando – неожиданно громко, вскрик. Действие ремарки распространяется на относительно краткий отрезок времени – от одного звука до нескольких аккордов подряд

solo – соло, эпизод-монолог, высказывание от первого лица, обычно содержит в себе откровение исповедального характера. В форме произведения имеет особенно важное значение

sostenuto – сдержанно, проверяя и обдумывая каждый шаг

sottovoce – особый эффект звукоизвлечения, дословно переводимый как «вполголоса».

Если учитывать то обстоятельство, что вполголоса, равно как и шепотом, принято говорить о вещах, имеющих конфиденциальный характер, то имеет смысл внимательнее прислушаться. Обычно композитор использует сей «обманный» прием, дабы все затаили дыхание и в тихих призрачных звуках научились отчетливо слышать музыку

souvenir – воспоминание. Вырывается из звучания основного текста особенным качеством полузатаенности, как может звучать музыка в отдалении или под покрывалом плотного и густого тумана. Легче всего такого характера звучания добиться путем нажатия левой педали рояля и прикрытия глаз исполнителя

stepstomacabre – причудливое сочетание английского слова «шаги» и осколка латинского термина *dans macabre*, в переводе означающего «танец смерти». Что получается, догадаться нетрудно. Дополнительный штрих вносит приближающий предлог *to*. Играть следует подчеркнуто механистично и бездушно, безропотно повинувшись неотвратимой воле рока

stravagante – фантастично, со странностями, близко к помешательству или проникновению в ирреальность бытия

subito – внезапно, с высоты камнем вторгаясь в плавное течение реки, взрывая водную гладь и поднимая фейерверк брызг, уходя одновременно на глубину

T

tempoprimo – возвращение к первоначально заданному темпу, после странствий – на круги своя

tenebroso – мрачно, таинственно, оминоривая прикосновением самые мажорные гармонии, устраняя тем самым последние блики солнечного света и целиком вступая в царство теней

tranquillo – спокойно, в некоторой степени безмятежно, но с непреходящим подозрением, что это спокойствие и умиротворенность – всего лишь видимость

triumfal – триумфально, ликующе и торжествуя, победно шествуя «со щитом» под главной аркой. Здесь можно смело добавить солнца и громкости в звучание, поскольку небесный свет десятикратно преумножается в отражении от сверкающих лат, оружия и глаз победителя

U

unruhig – беспокойно, взволнованно, закручивая воронкой мутную и шероховатую поверхность, поднимая с глубины ил и песок; так чувствует себя кошка при встрече с невидимой опасностью, когда у нее дугой выгибается спина и шерсть встает дыбом

V

violento – бурно, неистово, стремительно, горно-речно, с размаху обрушиваясь на клавиши, ощущение неограниченной свободы и силы

vivace – оживленно, проворно, весело и жизнерадостно

vivo – скоро, живо; от предыдущего термина отличается большей сосредоточенностью и целеустремленностью, что никоим образом не сказывается на темпе

Диалог с паузами

Быть может, всемирная история – это история различной интонации при произнесении нескольких метафор
Х. Л. Борхес. («Сфера Паскаля»)

- Нет ничего лучше, чем сидеть у огня на исходе дня и слушать треск и говор сторающих сухих веток, и видеть живую игру угольев, завораживающе красивую...
- В надвигающихся сумерках бескрайность полей кажется пугающей...
- ... завораживающе, завораживающе красивую...
- Меня охватывает неведомый страх. Разве ты не чувствуешь, что сегодня что-то должно случиться?
- ...завораживающе, безумно красивую...
- Брат не слышит меня. Нас всегда было двое, но я был одинок, глубоко одинок.
- Ты что-то говоришь мне?
- Нет, нет. Я просто беседую сам с собой.
- О чем же?
- О беспредельности пространств.
- Да, ты прав, совершенно прав. Беспредельность полей потрясает необыкновенно. А эти звезды – ?! Взгляни на небо: вон там, в сгущающейся синеве, виднеется маленькая, едва различимая планета...
- Одинокая...
- А? Ты что-то сказал? Так вот, планета... Посмотри повнимательнее: неопытному глазу может показаться, что вокруг сияющей звезды нет ничего, кроме беспредельного разреженного пространства или, напротив, сгущенной туманности. Но на самом деле это не так, вовсе нет...
- Неужели?
- На самом-то деле ее окружают бесчисленные миллиарды таких же планет!
- Почему же их тогда не видно?
- Они не видимы потому, что не наделены божественным сиянием. Они не звучат, они мертвы. Звезда затмевает их своим свечением, звуковым потоком.
- Ты хочешь сказать, что эта маленькая звезда может излучать не только свет, но и звучание? Разве это возможно?
- О, это не подлежит сомнениям! Дорогой мой брат, это непреложная истина!
- Почему же мы ничего не слышим?
- Тс-с-с! Замри, притаись, закрой глаза, забудь о дыхании... Слушай!.. Ну, как? Слышишь?
- Слышу... как трещат поленья в огне. Сгорают, превращаются в уголья.
- Да нет же! Ты слышишь совсем не то! В твоих ушах звучат лишь знакомые звуки, земные. Попробуй еще раз: там, вдали, в бескрайних просторах космоса, в лабиринтах времен – звучит мелодия! Она пронзает всю ткань Вселенной. Ритм музыки сфер подчиняет себе все живое, заставляет сердца пульсировать в такт... Ну же, прислушайся! Она звучит достаточно отчетливо, чтобы расслышать ее за треском поленьев и танцем язычков пламени, чтобы услышать ее отзвук в бликах огня.
- Я ничего не слышу, ничего не слышу.
- Мелодия – удивительно красивая, безумно, завораживающе красивая! Звучит, наполняет вселенской гармонией все сущее... Раз-два-три, раз-два-три...

– Ничего не слышу... Все это самый обыкновенный бред! Ты сам выдумал эту сказку, как обычно, с одной лишь целью: чтобы построить между нами непреодолимую преграду, непроницаемую стену! Чтобы еще раз подчеркнуть, насколько мы разные, что ты одарен привилегией – называй это как хочешь, пусть даже и божественным сиянием, как эта звезда, а я – нет! Я – лишь твоё множественное, безликое, мертвое, холодное, чуждое окружение!!! Ты хочешь, чтобы я поверил в это. Так вот, – слышишь? – вот что я тебе на это отвечу: планета звучит только у тебя в мозгу, а на самом деле никакой мелодии, никакого звучания и нет!

– Нет?.. Как же нет, если она звучит? Музыка не может смолкнуть лишь оттого, что кто-то не может ее понять... Имеющий уши – да услышит.

– ...

– ???

– ...Прости, это я сгоряча. Словно что-то оборвалось у меня внутри, где-то вот здесь, под сердцем... Что это на меня нашло? Наверняка виной всему темнота. Эта беспредельность пространств – и на небе, и на земле – меня пугает, повергает в ужас, в леденящий ужас.

– Что с тобой, брат мой? Я никогда не видел тебя таким. Ты начинаешь всерьез тревожить меня. Что тебя так пугает? Я слышу в твоём голосе напряженность, натянутость до предела всех струн твоей души.

– Это ничего, это пройдет. Подбрось поленьев в огонь, холодает... Вот, так лучше, светлее.

– Ты весь дрожишь! Сядь ближе к огню, я обниму тебя, быстрее согреешься.

– Не нужно. Мне вполне достаточно греться на расстоянии. Нет, не приближайся ко мне: я боюсь!

– Чего? Я не понимаю – чего ты боишься?

– Обжечься...

– Не беспокойся, искры от костра не долетят до тебя.

– От костра... Знаешь, брат, я должен тебе что-то сказать. Объяснить кое-что, чего я и сам еще не совсем понимаю. Так или иначе, выслушай меня, и тебе станет все понятно. Если ты, конечно, хочешь меня понять.

– Конечно, я буду рад выслушать тебя. Я весь внимание.

– Тогда посмотри, как дышит огонь в углях. Ты увидишь, как это будет всегда...

История первая. Лицом к лицу *Россия, последний год XX века*

allegro maestoso burlesco

«Это был триумф! Полнейший, совершеннейший, невероятнейший – триумф!!!

Мои песни, почти сразу же ставшие шлягерами, распевала вся стотысячная тусовка! Сей факт о чем-либо говорит?! Не подтверждает ли он то, что я – гений?

Я – гений! Да, да и да! По-моему, на этот счет ни у кого (ни у единого человека на земном шаре! – за исключением глухих, разумеется) не осталось никаких сомнений. Мной и моей музыкой восхищается вся страна, да что там страна – весь мир от меня в восторге. Вот, пожалуйста, мои портреты на обложках самых крутых журналов мира! Оскар Каннский! Это имя должно звучать подобно колоколу!

Не даром же я его так тщательно выбирал среди многих тысяч существующих имен!..» – говорил себе мысленно человек весьма невеликого роста, с невыразимой любовью и нежностью созерцая собственное отражение в зеркальной стене. Он бы с гораздо большим удовольствием произнес вышеизложенную речь вслух, но, увы, не имел таковой возможности.

Словам похвалы и гордости было слишком тесно внутри, и они то и дело прорывались наружу, правда, несколько не в том виде, в котором хотелось бы.

Вместо торжественного декламирования из ванной комнаты доносились лишь невразумительные междометия, чередуемые с крепкими непечатными выражениями, из чего читателю становится совершенно ясно, что человек пребывал в состоянии достаточно сильного опьянения. Лучи славы, изливающиеся на прогрессирующую лысину из многогранного хрустального шара-светильника, подвешенного под потолком, казались неземным сиянием, едва ли не священным нимбом. Человек, чуть покачнувшись, наклонился к зеркалу и лукаво подмигнул ему: мол, нам-то с тобой известно, чего стоит добиться столь громкого, ошеломляющего успеха!

Оскар Каннский, при рождении получивший более простую и незатейливую русскую фамилию Артемьев и впоследствии с легкостью отрекшийся от нее, в данный момент был явно доволен собой. Доволен и горд как никогда. И, надо признать, причина тому была.

Дело в том, что Каннский, числившийся уже не первый год в первых рядах создателей поп-шлягеров, приобрел наконец пусть и не всемирную, как льстил ему опьяненный триумфом и изрядной дозой алкоголя разум, но во всяком случае уж всероссийскую известность наверняка. Тот факт, что не далее как сегодняшним утром его имя упоминалось в перечне шлягеров, исполняемых отечественными поп-звездами на фестивале в Монте-Карло, еще ни о чем не говорил. Тем не менее именно он стал поводом последующего банкета, который Каннский незамедлительно устроил в свою честь.

Сознание вновь переместило его из зеркальной ванной в банкетный зал. На пиршество, так кстати приуроченное ко дню рождения «маэстро», явились не только поп-звезды, друзья, шоумены, именитые продюсеры. Нет, в этот раз все было не так скромно, как раньше. Каннский набрался храбрости и пригласил ведущих представителей прессы, и даже телерепортеров – только на торжественную часть, разумеется.

Десятки пар внимающих глаз и ушей, с жадностью ловящих каждое сказанное им слово в портативные диктофоны, яркий свет мощных прожекторов, объективы телекамер, направленные на его важную персону, как и прочие проявления внимания и восхищения, – все доставляло маэстро невыразимое удовольствие.

«Так и должно было быть!» – с гордостью думал Каннский, нисколько не скрывая своего отношения к происходящему. Его самодовольный вид внушал почтение всем присутствующим и не оставлял ни тени сомнений в его гениальности, которая отныне стала общепризнанной.

Но даже в огромной бочке меда не обходится без ложки дегтя.

con forza

И кто только пустил этого идиота в банкетный зал!

Вернувшись из банкетного зала обратно в ванную, Каннский почувствовал себя препаршивейше. Он подошел к перламутровой раковине и открыл блестящий кран. Старые методы действовали эффективнее всяких новомодных разрекламированных препаратов, якобы полностью снимающих синдром похмелья. Куда там! Оскар лучше всяких специалистов знал особенности собственного организма – в подобных ситуациях его спасало лишь средство безвозвратно ушедшей в прошлое молодости: сунуть разгоряченную голову под кран с холодной водой, а еще лучше – забраться целиком под бодрящий душ. Но на второй вариант у него не хватало ни храбрости, ни сил, ни желания.

funebre

Ледяная вода сделала свое дело. Отрезвленный насильственным вмешательством противной мокрой стихии разум выдал отчетливую картинку-эпизод прошедшей вечеринки. Каннский поморщился: даже капли воды, стекающие за шиворот и вызывающие дрожь по всему телу, казались не такими неприятными, как омерзительный образ придурковатого молодчика-репортера.

Уже один вид этого тощего дебила с ярко-красными паклями, свисающими вдоль бледно-зеленого лица, внушал подозрение и отвращение. Молодчик, еще та паршивая овца, испортил всю малину – и если бы это ограничилось только его внешним видом!

Ненавистный репортер оказался невероятно проворным и первым пробрался к маэстро, окруженному фанатами и почитателями. И надо же было такому случиться, что в тот момент, когда он обратился к объекту всеобщего обожания, все, как по знаку невидимого дирижера, замолкли, выдержали паузу, длящуюся ровно столько, чтобы в наступившей тишине явственно прозвучал гнусавый голос молодчика – будь он неладен! Самое страшное, как выяснилось, было в том, что репортер попался заикающийся.

Да, среди представителей прессы заики попадаются весьма редко. Их процент составляет приблизительно один из ста. Но в самый ответственный момент может произойти все что угодно, и даже невозможное. И это невозможное случилось: в воцарившейся на мгновение тишине гнусавый голос громко произнес:

– Гос-господин Кан-каннский!..

furioso sforzando

Надо же было этому придурку так не вовремя заикнуться и опошлить его блистательное имя!!!

Оскар брезгливо поморщился, зеркало тут же вернуло ему в ответ перекошенную агрессивией физиономию, отчего мир не стал казаться краше. Кан-каннский! Вот так одним махом взять и превратить красивое, звучное имя в обыкновенное издевательство.

burlesco

Вся светская публика едва сдержалась от смеха. Оскар был уверен, что опошленный вариант имени еще прозвучит не раз, теперь все его недоброжелатели непременно уцепятся за это прозвище! Мысленным взором он уже видел смешливые статейки на страницах желтой прессы с интригующими названиями типа «Новое имя: Оскар Кан-канский!»

У-у-у, злодеи!

tranquillo

Неожиданно приступ злости и раздражения отступил. Возможно, этому поспособствовал стакан, некогда служивший для полоскания рта, а ныне слетевший с полки на мраморную плитку и разлетевшийся вдребезги – не без участия хозяйского кулака, ясное дело.

Каннский успокоенно созерцал деяния рук своих. «Да плевать я хотел на эту прессу, на этих твякающих шавок и мосек – я, Оскар Каннский, Каннский и никто иной, создатель музыки современности, должен быть выше их дрызг и злостных насмешек. Их нужно пожалеть: они ведь, бедолаги, не могут понять главного, им не под силу осознать и оценить по достоинству всю широту и мощь моего таланта!»

– Оскар! Ося! Это ты так гремишь? – послышался из-за двери испуганный женский голос, прервав тем самым сеанс психологического аутотренинга.

Вероника, законная жена Каннского, как подобает подавляющему большинству законных жен, прекрасно знала все особенности и привычки мужа. Грохот и всплеск осколков подскакивал ей, что супруг пребывает отнюдь не в благостном состоянии духа, как, впрочем, и тела.

morendo

Она осторожно приоткрыла дверь ванной комнаты, но заглядывать пока не стала, опасаясь, как бы участь разбитого стакана не настигла бы любой другой предмет, который на сей раз мог бы полететь не на пол, а в дверь, например.

Убедившись, что ее вторжение не повлекло за собой дальнейшего нещадного истребления предметов гигиены, Вероника просунула голову в щель и обнаружила супруга, аккуратно и совершенно мирно вытирающего голову пушистым полотенцем.

– Ося, что у тебя упало? – уже более уравновешенным голосом произнесла она.

– Да так, пустяки, – Оскар улыбнулся жене. Улыбка вышла несколько вымученной и неестественной и походила скорее на кривой оскал.

– Как прошел банкет?

cantabile semplice

Вероника никогда не посещала мероприятий и торжеств, связанных с работой мужа. Она вела скромное существование тихой и уютной домохозяйки, будучи довольной своей судьбой, по велению которой робкая девочка из провинции, случайно очутившись в столице, встретила с начинающим шоуменом, пописывающим симпатичные мелодии, и уже в скором будущем обрела собственный дом со всеми мыслимыми удобствами и даже некоторыми излишествами, типа зеркальных стен в ванной, которых она до сих пор втайне сторонилась.

Светской львицей Верочка не смогла стать – это было выше ее сил. Но супругу и не нужно было вовсе держать подле себя диких хищников, на торжествах он прекрасно обходился без нее. Зато тем больше ценил жену за ее нежность и заботу, за умение создавать уют домашнего очага и, конечно же, за ее неподдельное, искреннее восхищение его талантом.

Вероника усматривала в лице, нет – в светоносном лике супруга воплощение музыкального гения. Его музыка постоянно звучала в радиоэфире, к нему то и дело навевались клипмейкеры, о нем писали и вещали, его имя было у всех на устах. Верочка всегда была уверена, что шлягеры мужа поистине гениальны, а сам он не кто иной, как великий композитор современности.

Самое приятное для Каннского заключалось в том, что таким же преданным и влюбленным взглядом на него смотрели тысячи, а может быть, и миллионы фанатов. Звезды эстрады слезно умоляли его написать для них еще пару-тройку новых песен, а за альбомы предлагали целое состояние. А что его ждет теперь, после того, как его песня прозвучала в Монте-Карло! Безусловно, с сегодняшнего дня на голову маэстро обрушатся золотые горы, и к этому надо быть готовым. Нужно принять дары и приношения с достоинством и без лишних эмоций...

– Оскар, ты меня слышишь? Я спрашиваю, как прошел банкет.

Вероника протиснулась в дверную щель целиком и с нетерпением, которое смахивало скорее на беспокойство, ожидала ответа. Оскар медленно перевел затуманенный взгляд в ее сторону и тяжело вздохнул. Предстоял разговор.

capriccioso

Телефонный звонок раздался ни свет ни заря – в полдесятого и вырвал именитую личность из тяжелого сна. Благо, заботливая Верочка быстро схватила трубку, избавив тем самым супруга от невыносимых терзаний для его тонкого и чувствительного музыкального слуха. На том конце провода разговаривать с ничего не смыслящей в делах мужа Верочкой не пожелали и настойчиво требовали разбудить звезду.

– Алло, Оскар? Почиваешь на лаврах? Как можно до сих пор дрыхнуть?! Это просто непозволительно! – послышался голос друга, который одновременно приходился Каннскому и продюсером. Такое тоже иногда случается. – Вставай немедленно: тебя ждут великие дела! Тут меня уже звезды достали, требуют контрактов. В общем, если через пятнадцать минут я не буду иметь безграничное удовольствие созерцать твою опухшую физиономию в кресле напротив, то напущу на тебя всех вымогателей. Выброшу им на съедение номер твоего сотового, и потом выкручивайся сам как знаешь.

Угроза подействовала моментально. Для полного счастья не хватало только поминутно воющего под ухом мобила! Для начала Каннский хорошенько потянулся, принял чашку горячего кофе из рук супруги, после чего встал – лениво и неторопливо, как и подобает привилегированной особе, подошел к синтезатору и сбацал кан-кан, для поднятия настроения.

con grotesk

И тут перед глазами, прямо на белых клавишах материализовалась омерзительнейшая зеленая физиономия, обрамленная ярко-красными паклями, и сквозь веселенький наигрыш совершенно наглым образом пробился гнусавый заикающийся тенор... Тьфу ты, нечисть!

Легкомысленная мелодия оборвалась на полужразе смазанным аккордом-кляксой. Раздраженный маэстро мысленно взвыл и ударил всей пятерней по клавишам. Образ зеленого репортера помог ему мобилизовать свои силы и собраться в максимально короткий срок. Можно сказать, молодчик своим появлением на клавиатуре оказал Каннскому неплохую услугу, доставив его к продюсеру через положенные полчаса и избавив тем самым от домогательств фанатов и нашествия заказчиков.

scherzando

– Вот смех-то! – продюсер, восседающий на высоком вертящемся стуле, подобно петуху на нашесте, помахивал диском и радовался как ребенок. – Ося, ты будешь в полном восторге от нового диска наших конкурентов!

– Лажа? – осведомился вошедший Ося, плюхнувшись, как и было велено, в громоздкое кожаное кресло напротив.

– Полная! Откровеннейшая! Всем лажам лажа! – продюсер прямо-таки подпрыгивал, словно на сиденье была прикреплена пружинка, и светился от счастья. – Твоим хитам и в подметки не годится!

– Покажешь?

– О'кей!

Продюсер без лишних слов и жестов ловко крутанулся к центру и поставил диск.

– Это из серии «Nature». Вот, например, якобы «Шумы океана». Слушай!

Каннский для создания более комфортной атмосферы зажег сигарету и откинулся на мягкую спинку. Из динамиков послышался неясный и постепенно нарастающий шум, откровенно напоминающий что-то, весьма отдаленно связанное с океаном.

– Каково?! – радовался продюсер. – Слив в общественном толчке пытаться выдать за шумы океана! И вся эта прелесть в течение восьми с половиной минут!

В ответ на изливания восторгов эмоционального друга Оскар кивнул: «давай дальше» и выпустил клубы табачного дыма. Продюсер тут же уловил пожелание и взял пульт.

– А вот эти верещания выдаются под вполне благопристойным названием «Райские звуки»!

Где-то в условиях экваториальных тропиков на фоне шороха листы и стрекотания экзотических насекомых пронзительно закричала обезьяна, затем к ней присоединилась другая.

Каннский недовольно поморщился: животных, в особенности диких, он не любил. Продюсер тут же коснулся пульта.

– Ну и напоследок: потрясающая фишка! Уверен, тебе понравится! Называется «Музыка природы»!

«Ну вот, еще какие-нибудь клекотания и рычания!» – недовольно подумал Каннский, но, к его непомерному удивлению, ничего подобного он не услышал. То, что создатели сих бессмертных творений пытались выдать за музыку природы, было не чем иным, как общеизвестным поп-классическим «Полонезом» Огиньского.

«И к чему же тут природа?» – намеревался было полюбопытствовать Каннский, но его интерес, по-видимому, запрограммированный авторами, немедленно был удовлетворен: на фоне заунывно-шарманочного «Полонеза» вдруг что-то зачирикало.

– Ну как?! – ликовал продюсер. – Круто, а? Надо отдать должное их неумной фантазии! Признайся, Каннский, тебе бы и в голову не пришло так издеваться!

rubato con dolore

Каннский был вынужден согласиться: да, не пришло бы. Но такой грандиозной радости вопреки ожиданиям продюсера знакомство с диском ему не доставило. «Лажовый» диск по необъяснимым причинам ему понравился и одновременно разбудил кошек, которые жили внутри и, время от времени просыпаясь, скреблись на душе.

Маэстро зацепило выражение «неумная фантазия», которым продюсер метко охарактеризовал создателей диска. Дело в том, что фантазия, весьма и весьма ограниченная, просто непозволительно скромная для музыканта таких масштабов, была уязвимым местом Каннского, его ахиллесовой пятой. В этом он мог признаться только себе, и то – лишь в тот момент, когда никто не видит, дабы никто случайно не догадался по выражению лица гения о терзающих его душу сомнениях. Нот в музыкальном звукоряде было всего семь, и ему не оставалось ничего другого, как принять этот факт и выкручиваться по мере своих возможностей.

Все хиты именитого маэстро строились преимущественно на одних и тех же гармонических последовательностях, известных миру с доклассических времен. По сути, вся нынешняя эстрада представляла собой не что иное, как комбинации и варианты пяти-шести аккордов, на основе которых рождалась мало-мальски приятная и – главное – хорошо запоминаемая мелодия.

Талант Каннского состоял в том, что ему удалось разгадать секрет технологии создания шлягеров: заводящий ритм, неперегруженная аранжировка, минимум текста преимущественно на любовную тематику, актуальную во все времена, ложащаяся на слух мелодия – и дело наполовину в шляпе. Оставшейся половиной служат такие подсобные, но не менее важные детали, как препоручение будущего хита суперзвездному исполнителю – для раскрутки, презентация новой песни в блестящей мишуре хороших отзывов и рекомендаций авторитетов шоу-бизнеса, благовременное создание симпатичного клипа, засилье хитом радиоэфира, после чего песня заучивалась слушателями в легкую, и прочее.

Незамысловато чередуя тонику, субдоминанту и доминанту, маэстро умудрился сотворить десятки поп-шедевров, многие из которых стали безусловными хитами и начали распе-

ваться населением в разгаре всевозможных увеселительных мероприятий вместе с любимыми народными «Ой, мороз, мороз» или «Вот кто-то с горочки спустился».

Одним словом, Каннскому можно было без ложной скромности присудить почетное звание Великого Комбинатора.

Впрочем, сам он отдавал себе отчет в том, что его песни неумолимо похожи одна на другую и что скоро, очень скоро «рыжие вихры примелькаются, и вас, Шура, начнут бить» – иначе говоря, эту схожесть и однотипность услышат все, даже полные профаны.

Положим, какое-то время он еще сможет продержаться на небосводе эстрадных светил, его еще будут почитать, и новые песни будут востребованы главным образом благодаря созданному сегодня громкому имени. Но на эстраде то и дело появляются все новые и новые лица, типа Дэцла или Тату, в попытке пробиться со своей музыкой, причем некоторые из них представляют довольно серьезную опасность для пригревшихся в ярком свете прожекторов старожил.

Прозорливый Каннский уже заглядывал в это неопределенное будущее и ничего утешающего там не нашел, кроме как постепенного стирания его славного имени поначалу с эстрады, из уст народа, а потом и вовсе – бесследное исчезновение из истории музыкальной – пусть и массовой, но – культуры. Увиденное не устраивало шлягерника никоим образом. Он, ясное дело, догадывался, что искусственный способ творения предполагает недолговечность существования, тем более в такой бурной и быстротечной реке, как современная эстрада.

a tempo

– Неблагодарная все же работка, – вздохнул Каннский. Вздох получился вслух, да еще и явился ответом на вопрос, заданный продюсером по поводу демонстрируемого им диска пару страниц назад. Впрочем, реального времени за горестными сетованиями и размышлениями Оскара прошло всего ничего – собеседнику только лишь показалось, что друг на мгновение задумался над оценкой.

– Ты о чем? – не понял продюсер.

Расстроившийся Оскар хотел было сделать исключение из правил и поделиться с приятелем своей бедой, но в этот миг раздался спасительный стук и, не дожидаясь разрешения, в кабинет ввалилась кучка журналистов с диктофонами и просьбой ответить на пару маленьких вопросиков. Помимо того, пришлось уступить требованиям фанатов и подписать пару альбомов – так маэстро волею судеб был отведен от греха подальше, а продюсер избежал исповеди и постыдного признания великого гения в собственной немощи.

solo quasi marsh funebre

Вот он: небритый и взлохмаченный, в старом вылинявшем свитере, сидит за роялем с карандашом в руке, скрючившись в три погибели, на коленях помятый партитурный лист, – и пишет, и пишет... Карандаш то и дело выпадает из пальцев, которые тут же привычным движением опускаются на клавиши и легким прикосновением озвучивают мертвые нотные значки. Возле попитра безобразная пепельница, полная окурков, вокруг рояля – тонны бумаги, линованной нотными строчками – пустыми, в трепетном ожидании свершения (что на сей раз доверит он ей в зашифрованном от посторонних ушей виде?), и уже заполненными, заполненными его музыкой.

Я мог бы быть счастливейшим человеком на земле, если бы не он. Но вся беда состоит в том, что я не могу избавиться от его присутствия, даже если отправлю его на край света.

Он – мой родной брат. И еще он – Гений. Самый настоящий, хотя и не признанный никем. И это моя пожизненная кара, тот камень, который тянет на дно и не позволяет взлететь.

Я могу заглянуть в комнату, дверь скрипнет – а он и не заметит. Куда там! Всем своим существом он в своей музыке, она заполняет его, оглушает так, что не достучаться! Что ему до

чужих шагов, кому бы они ни принадлежали, до людей, ступающих по земле, – если он витает в облаках, парит, окрыленный звучанием!

Сутками напролет он сидит возле инструмента и работает, сжигая себя дотла. От него уже ничего не осталось – посмотрите, вам хватит одного поверхностного взгляда, чтобы убедиться в этом. Мне остается не так уж долго дожидаться того светлого момента, когда этот выросток отдаст Богу душу, прости Господи.

Мамаша подарила мне тринадцать счастливых и беззаботных лет, а потом выкинула штуку – умудрилась родить Андрея и перечеркнуть мне всю оставшуюся жизнь. Я уже тогда понял, что с его появлением на свет что-то кончилось. Для меня, конечно. Для мира – наоборот.

Он еще молодой. Но меня утешает, что избранный им (или предназначенный свыше?) образ жизни его до добра не доведет. Безвылазно сидеть в четырех стенах, забывая напроочь о еде и движении, – любой организм в таких условиях долго не протянет. Все попытки матери вытащить его из этого состояния не увенчались успехом. Он всякий раз отвечал, что ему нужно срочно кое-что оформить, зафиксировать, что у него не ни секунды лишнего времени на бытовые мелочи, что он может упустить в эту секунду что-то самое главное.

– Разве для такой жизни я родила ребенка? – однажды, незадолго до смерти, сказала мне мать. – Эта проклятая музыка, которая сидит в нем, губит его молодость! В двадцать три года ему бы подумать о семье, детях, любимой женщине, а он из-за рояля не выходит. Я больше не в силах видеть это... Это не жизнь.

Никогда раньше я не видел в ее глазах столько невыразимой и безысходной печали. Только в тот вечер она была со мной откровенна – один раз за тридцать шесть лет.

Я ей, помнится, тогда ответил:

– Ты родила его не для жизни, а для вневременья. Для жизни же сгодятся и такие, как я. И был абсолютно прав.

Потому, что мой брат Гений. Как бы больно и невыносимо мне ни было осознавать это.

У него есть то, чем никогда, ни при каких обстоятельствах не овладеть мне. Это не имеет названия в переводе на язык слов, но если я скажу, что имею в виду некое мистическое состояние, напоминающее вдохновение, то вы меня поймете.

В нем есть та самая божественная искра, которая не позволяет ему не писать. Он – посредник, сквозь его физическое тело проходит мощный духовный канал, по которому из вселенского космоса на партитурные листы выливается музыка. Музыка гениальная. Он говорит, что слышит ее, просто-напросто слышит и записывает...

Этим-то мы и отличаемся друг от друга.

Парадокс: из нас двоих гениальностью наделен он, а не я, но тем не менее именно я – общепризнанный шлягерник, персона номер один на отечественной эстраде, любимый и почитаемый толпой, забрасываемый деньгами, цветами, гастрольями и прочими лаврами, а он – неизвестный нищий композитор, влачащий жалкое существование в четырех стенах. Обо мне знают все, о нем – никто, кроме меня.

В принципе, меня устраивает подобное положение вещей. Но... как нас рассудит время? Наверняка найдется тот, кто обнаружит эти смятые листы и откроет миру имя Андрея Артемьева. И тогда эти закорючки, посыпанные пеплом, станут музыкой, неземной, божественной, поистине гениальной.

А я, пытающийся изо всех сил сочинять эти пресловутые хиты? Мои старания что, коту под хвост? Где же справедливость?! Зачем ему вдохновение? Разве оно помогает ему в жизни? А вот мне дар гения ох как нужен. Есть ли Бог на этом свете, а если есть, то почему он отдал предпочтение ему, ему, а не мне?! Мне, тому кто трудится в поте лица, старается изо всех сил, пытаюсь выжать из себя хотя бы одну по-настоящему гениальную мелодию?!

Я захожу сюда в те редкие моменты, когда он выходит из дома. Да, иногда вдохновение покидает его, и у него пропадает всякое желание к сочинительству. Тогда он неделями кутит где-то в общаге у друзей по консерватории, и не подает о себе никаких вестей.

По сути, мне плевать. Пусть бы и вообще не возвращался – надо мной бы не висел немым укором этот тяжкий груз. Но нет, он приходит, снова запирается в комнате, хватается за карандаш и пишет, пишет...

Он просит меня лишь об одном – не беспокоить его, поэтому я и бываю здесь в его отсутствие. Похожу по пыльному, затоптанному ковру, посмотрю на вид унылой осенней улицы за окном, вдохну прокуренный воздух полной грудью – может, таким способом в меня попадет хотя бы частичка его дара, витающего в атмосфере этой комнаты, может, вдохновение перепутает и случайно коснется вместо брата моей головы, и тогда в ушах зазвучит музыка.

Но нет, я ничего не слышу. Вероятно, он не оставляет свою гениальность в этой комнате, а забирает с собой. Я махну рукой и подберу небрежно исчерканные листы. Бог мой, ну и почерк! И кто разберет эти каракули? Пожалуй, заняться этим стоит мне. Посторонний человек не поймет в написанном ничего, да и кто знает, подпустят ли листы к себе чужих?

Я частенько занимался переписью музыки брата в более доступный вариант, делал собственные переложения оркестровых вещей в двухручные фортепианные, а потом дрожащими пальцами прикасался к ним. И они звучали. Ухо музыканта всегда услышит несыгранные ноты, дополнит звуковой образ, дорисует то, что не в состоянии передать руки.

animato con amore

Но что это была за музыка!

В ней сливаются и кружатся вихревые потоки, энергетические течения переплетаются между собой, звезды срываются со своих орбит, и среди этого вселенского хаоса звучит легкая и невесомая, нереальная, магическая, певучая – мелодия, сотканная из мириад небесных светил.

Слово не властно передать и самую малость того, что есть в этой музыке. Она вселяется в душу, заполняет ее своим космосом, позволяет раствориться в пространстве, останавливает пульс времени...

Нет, я не могу касаться этой хрупкой ткани, я боюсь разрушить ее неловким прикосновением. Я даже не могу позволить себе занести эту музыку в компьютер – всякое вмешательство механического мира может погубить ее. Поэтому я переписываю от руки и бережно складываю в тайник, о котором не знает никто.

Андрей и не догадывается, что копии его сочинений хранятся в надежном сейфе в моем кабинете. Он совершенно не ценит ниспосланного на его дурную голову дара, обращается с ним, как со старыми калошами. Но такая музыка не должна кануть в небытие, я не могу допустить этого, несмотря на мое субъективное отношение к брату. Она не виновата, что выбрала в посредники именно его.

lamentabile

Именно его, безалаберного и несносного мальчишку, который разбрасывается и музыкой, и людьми, будто ненужными вещами. Эти смятые листы, хранящие на нотном стане великую информацию о мире, валяются кипами под его ногами, и ему нет до них никакого дела. Словно все, что от него требуется, – это записать под чью-то диктовку. А позаботиться об исполнении, о реальном звучании в земных условиях ему недосуг.

О, если бы Бог наградил меня талантом, если бы ко мне приходили спонтанно возникшие идеи, если бы я мог услышать то звучание, которое якобы слышит он, – я бы все силы и умение направил на оформление этого звучащего хаоса. Я смог бы стать великим композитором, и эта музыка звучала бы уже сегодня!

– В тебе уживается невероятное противоречие. Из всего сказанного тобой я понял, что ты любишь меня.

– Разве? По-моему, в моей речи не проскользнула и тень этого слова.

– Есть вещи, которые понятны без слов. О них говорит музыка, которая пронзает своим звучанием всю вселенную. Она является той невидимой аурой, что окружает твои слова.

– Музыка, снова эта музыка.

– Теперь ты слышишь ее?

– Я слышу лишь треск поленьев. Они сгорают и становятся черными.

– Что терзает твою душу?

tranquillo deciso

Впрочем, мне незачем здесь находиться. У меня есть своя работа, и в няньки к гениям я не нанимался.

Вон из этой комнаты! Видеть не могу этот бардак! К черту допотопный рояль! Время живой музыки давно прошло, на дворе двадцать первый век, смена эпохи и расцвет цивилизации. Только полный идиот может не видеть этих перемен и оставаться в плену прошлого.

Возможности электронных инструментов куда богаче. Будущее за компьютерной музыкой, несомненно.

Сяду-ка я за синтезатор и сочиню новый шлягер. Хиты для меня – плевое дело! В этом мне нет равных, во всяком случае, на нашей эстраде. И фестиваль в Монте-Карло в очередной раз подтвердил это. Меня окружают поклонники, за моими песнями звезды выстраиваются в очередь. Лавры, лавры...

Я уверен, меня ждет еще много подобных приятных моментов в жизни, потому что должно быть именно так, а не иначе.

vivo burlesco leggiere

Верочка колдовала на кухне. Она парила в жарком пространстве между газовой плитой, холодильником, раковиной и столом. Ее проворные мягкие руки успевали делать практически все одновременно, словно не одна, а по меньшей мере три женщины занимались приготовлением ужина.

Сегодня она пекла чудесный пирог с курицей – любимое блюдо мужа. Верочка улыбалась и напевала мелодию, которая оказалась одним из шлягеров, сотворенных супругом: «Ты мой любимый мальчик, у нас с тобой любовь...» Ей было очень хорошо от мысли, что она каким-то образом причастна к таинству сочинения музыки. Пусть даже и в качестве организатора быта творца.

Верочка любила больше всего на свете радовать супруга, а пирог должен был послужить очередным стимулом к вдохновению. От такого вкуснейшего пирога не отказывался и его чудак-братец. Но чем бы его ни кормили, он все прожевывал автоматически, как будто не чувствуя вкуса.

Верочку поначалу обижало подобное отношение к ее кулинарным шедеврам, но потом и она привыкла. К тому же она извлекла из этого отличный способ скармливать рассеянному Андрею неудавшиеся кусочки.

Но на этот раз пирог удался на славу: его пряный аромат заполнил собой не только кухню, но и просочился по всему дому, зазывая его немногочисленных обитателей к столу. Вероника вытащила шедевр из духовки, сняла передник и полетела в рабочий кабинет мужа, не преминув задержаться на минутку у зеркала в прихожей.

– Осенька, ужин готов! – запела она, нерешительно открывая дверь и заглядывая внутрь.

Застав супруга склоненным над клавиатурой синтезатора, она поспешно отступила: Каннский не терпел вмешательства посторонних во время работы. Он боялся, что кто-то помешает ему и спугнет удачную мысль.

Но на этот раз маэстро был снисходителен к заботам жены и соизволил откликнуться:

– Через пару минут буду, Верочка. А ты пока зайди к Андрею. Возможно, он проголодался. С утра ведь пишет.

– Хорошо, дорогой, – умиленно ответила Верочка, которая всегда поражалась терпимости мужа к выходкам этого сумасшедшего и непонятного субъекта.

Конечно, Андрей Оскару не чужой, и за ним нужно присматривать, но так усердно заботиться, не требуя взамен даже капли признательности и благодарности, – на это способен лишь человек с поистине ангельской душой и большим добрым сердцем!

В очередной раз восторгаясь бескорыстным благородством супруга, Вероника пошлепала дальше – в жуткую комнату его брата.

Андрей стоял возле окна и курил. Его темный силуэт четко вырисовывался на фоне рыжеватого-желтого освещения уличной иллюминации, проникавшей золотистым потоком в комнату и, скрывая все ее уродство.

– Андрей, Оскар зовет тебя поужинать. Ты выйдешь к столу или принести тебе ужин в комнату?

– Спасибо, выйду, – неожиданно ответил силуэт, оставаясь неподвижным.

– Хорошо, мы ждем тебя, – покорно согласилась Верочка, втайне надеявшаяся на второй вариант предложения.

Спустя десять минут в столовой появился Оскар. Вероника, которая скучала, подперев голову кулачками, при виде мужа немедленно вскочила и радостно засуетилась вокруг него. Это была та привычная суэта, украшавшая ежевечернюю трапезу, которая стала неотъемлемой частью семейных взаимоотношений супругов. Ужин был одним из редких поводов для общения, посему Верочка старалась заполнить этот временной эпизод максимально большим количеством теплоты и внимания.

con amore

Усадив мужа, она поставила перед ним тарелку с внушительным куском курника, обильно приправленного мелко нарезанной зеленью, и села напротив, с преданной любовью глядя ему в глаза. «И как только в этом обыкновенном на первый взгляд человеке может сочетаться человеколюбие, терпение, доброта, усердие, трудолюбие, да еще и талант непомерной величины!» – с восхищением думала Верочка, не забывая снабжать объект обожания необходимыми столовыми приборами.

giocosо

Мгновения блаженного созерцания были прерваны внезапным появлением Андрея. Плюхнувшись на ближайшую табуретку, он, не особенно церемонясь и не ожидая приглашения, проявил невиданную инициативу: протянул руку, утащил с блюда кусок пирога и начал меланхолично жевать.

Верочка неодобрительно посмотрела на его взлохмаченные волосы, давно не общавшиеся с расческой, на свитер, не покидавший тела хозяина пару недель как минимум, на руки, отнюдь не блистающие чистотой, и покачала головой. Оскар никогда бы не позволил себе выйти к столу в таком непристойном виде, – подумала она и перевела взгляд на обожаемого супруга.

Каннский и сам по себе производил довольно приятное впечатление на окружающих, а уж по сравнению с братцем-недотепой выглядел и вовсе верхом совершенства. Верочка удив-

лялась тому обстоятельству, что два таких разных человека приходится друг другу родными братьями.

Интересно, что они оба занимались по Верочкиным представлениям одним и тем же – сочиняли музыку. Но музыка Андрея была абсолютно другой, словно вынутая из параллельного мира. Верочка была уверена на все сто, что творчество Каннского является лучшим из созданного современными композиторами, во всяком случае, в сфере эстрадной музыки. Его песни, одна за другой появляющиеся в эфире и неизменно становящиеся хитами, были приятны и милы. И самое главное – шлягеры Каннского распевала вся страна, они были той музыкой, которая «строить и жить помогает», а значит, приносили несомненную пользу обществу. Последнее обстоятельство особенно радовало жену композитора.

В музыке Оскара все просто и понятно, чего никак нельзя было сказать о творчестве Артемьева. Верочка вспомнила, как однажды застала собственного супруга за странным занятием: он водрузил на пюпитр рояля огромные, испещренные небрежными закорючками листы, ранее покрывавшие безобразие ковра в комнате Андрея, и наигрывал что-то. Девушка из провинции, не получившая даже начального музыкального образования, но прожившая с музыкантами не один год, догадалась, что Оскар играет музыку, сочиненную братом.

Странной и непонятной была эта музыка. Из краткого отрывка прозвучавшего произведения Верочка смогла составить о ней полное представление. «Бред взбесившихся звуков, – однозначно резюмировала она. – Уж под эту музыкальную сумятицу ничего толкового не построишь!»

Голосом Верочки вещал народ, и с этим ничего нельзя было поделать. Впрочем, автору странной музыки это ничуть не мешало, он был глубоко равнодушен к мнению масс. Уж если на то пошло, то гораздо важнее в этом плане для него было мнение людей, компетентных в области профессиональной музыки, в частности, друзей из консерватории.

Верочка очнулась от неодобрительных мыслей в адрес Андрея в тот момент, когда объект порицания стащил с блюда очередной кусок пирога и потребовал чаю. Оскар поддержал просьбу брата, намереваясь во время чаепития развести его на нечто вроде затрапезной беседы. Общение с Андреем было большой редкостью.

– Ужин, Верунчик, сегодня отменный, – Оскар послал жене обаятельную улыбку довольного фавна. – Ты превзошла сама себя!

Верочка зарделась от похвалы и принялась разливать чай, порой мимо чашек, отчего смущалась еще больше.

– Спасибо, – сказал Андрей.

– Понравилось? – спросил Оскар и, не дожидаясь ответа – к чему рисковать? – продолжил: – То-то же! Вот зря, зря ты не ужинаешь с нами чаще.

– Я работаю.

Андрей по своему обыкновению был тих и немногословен, но и одной фразы было достаточно для того, чтобы предвзято относившаяся к нему супруга Оскара уловила в ней подвох. В милой и покладистой Верочке проснулась воительница.

– Ха, – вызывающе усмехнулась она. – Он работает! Тоже мне, нашел отговорку! Вон, посмотри на брата: он тоже работает, между прочим, но от людей не отрещивается, и ужинает всегда в столовой, а не запирается в четырех стенах, как отшельник какой. Кстати, он работает побольше твоего – и денег в дом приносит, и люди его песни любят. А вот насчет твоих каракуль я что-то сомневаюсь. Это не музыка, а мазня какая-то!

– Так ты же не слышала, – удивился автор «мазни».

– А кто ее слышал? – резонно возразила Верочка. – Такую ерунду никто и играть не станет. В ней ничего не поймешь – ни слов, ни мелодии. То ли дело у Осеньки.

Андрей ничего не отвечал, тайком посмеиваясь над супругой брата.

– Я вообще не понимаю, что ты там пишешь, – Верочка распылилась не на шутку. – «Работаю, работаю», а что написал – и неизвестно, никто ни разу не исполнил. Кому нужна такая работа?

В момент декламирования пламенной речи Верочка напомнила Андрею, в свои двадцать восемь еще не окончательно выпавшему из детства, голубку из «Алисы в стране чудес», которая рьяно защищала свое гнездо от внезапно выросшей Алисы, принимая ее за нападающую змею.

– Тебе сейчас только трепещущих крыльев не хватает, – улыбнулся Андрей.

– Чего? – не въехала Верочка и оскорбилась пуще прежнего. – Каких еще крыльев? Ты что, надо мной издеваешься? Что я тебе – курица какая-нибудь?

От этих слов Андрею стало еще веселее, и он не удержался от откровенного смеха.

– Ося-я, – жалобно протянула супруга, взывая к помощи.

attaca serio

Каннскому не пришлось прибегать к примиряющим мерам, поскольку громкий смех Андрея внезапно перешел в сильный приступ кашля.

– Глотни чаю, – Оскар протянул брату кружку.

Андрей помотал головой и, закрыв рот ладонью, выскочил из столовой.

– Ну вот, опять, – сочувственно вздохнула Верочка. Ее доброе сердце не позволяло долго сердиться и копить обиды. – В последнее время он кашляет, как чахоточник. Может, вызвать ему врача?

– Это не имеет смысла, – с досадой отмахнулся Оскар. – Ты же знаешь брата: он не станет лечиться. Он не терпит ни малейшего вмешательства, ни капли ограничений по отношению к нему. Кошка, которая гуляет сама по себе...

– И все-таки, Ося, я бы позвонила твоему терапевту, – тихонько сказала жена. Это было даже не возражение – против мужнего слова она бы никогда не пошла, – но скорее констатация альтернативы.

– Как знаешь, – двусмысленно ответил супруг и встал из-за стола, тем самым давая понять, что трапеза, а вместе с ней и разговор на эту тему окончены.

Вероника вздохнула и начала убирать грязную посуду.

cadenza solo

Конечно, я не хотел вызывать врача.

В конце концов, Андрей – вполне самостоятельный и взрослый человек, ему самому решать, как жить. Если ему наплевать на собственное здоровье, то моей вины здесь нет никакой. Я не желаю вмешиваться и в какой-то степени даже не имею на это морального права.

Приступы кашля у него с каждым днем усиливаются, даже Верочка подметила. А я честно предупредил его, что непозволительно так много курить. Впрочем, какой бы образ жизни он ни предпочел, дольше отведенного срока не получится прожить и дня – судьбу не обманешь.

Мы с братом родились неразрывным целым, даром что с временным промежутком в тринадцать лет. Мы неотделимы друг от друга, и это наша пожизненная кара. Между нами кто-то распределил обязанности, причем, на мой взгляд, совершенно несправедливо. Ему предназначено творить, а жить – это по моей части. Я знаю, что его дни на этой земле подходят к концу. Скоро я смогу вздохнуть свободно. Еще немного терпения и выдержки...

Гениям несвойственно долготитие. Большинство из них сгорают довольно быстро, едва успевая записать то, что диктует Некто оттуда, сверху. Даже если у них начинается довольно-таки благополучная жизнь, она может оборваться внезапно и незапланированно.

За примерами далеко ходить не надо. Не влезая в дебри классической профессиональной музыки, достаточно вспомнить хотя бы Игорька Талькова, который погиб в самом расцвете

своей творческой деятельности. В какой степени к этому причастна пресловутая Азиза – неизвестно. Может, она и вовсе-то ни при чем. Как бы там ни было, Игоря жалко. Чувак делал действительно хорошую музыку, на добрый порядок выше остальной попсы. Не сомневаюсь, что в скором времени его вещи снова зазвучат в трибьютах, как это произошло с песнями Вити Цоя.

Музыка долговечнее своих авторов. Пройдя после смерти автора проверку временем на прочность, она остается звучать, как ни в чем не бывало. То же самое произойдет и с композициями Андрея. Они будут вечно преследовать меня.

Господь Всемогущий! Куда мне деться от его музыки?!

Диалог с паузами

- Что это было? Кажется, я видел искаженное отражение наших лиц в пламени костра.
- Искаженное? Нет – лишь слегка подкорректированное.
- Изменчивыми языками огня, движимых потоками ветра.
- Потоками времени.
- Не слишком ли далеко нас унесло?
- Разве к временному пространству применимо понятие расстояния?
- А как же чередование эпох, смена поколений, расцвет и закат цивилизаций?
- Все это здесь, поблизости. Время обладает способностью сжиматься и развертываться, подобно мощной пружине, а потому даже отдаленные в земном понимании эпохи совершенно неожиданно оказываются на расстоянии вытянутой руки друг от друга.
- Ты удивляешь меня, брат. Откуда в тебе эта мудрость, это знание?
- От необозримого количества преодоленных расстояний.
- Расстояний? Но ты же постоянно находишься рядом со мной. Вот уже вечность мы не покидаем эти бескрайние поля. С восходом солнца принимаемся за свою каждодневную работу, а на закате встречаемся у костра.
- Тебе многого не понять. Поэтому я и затеял этот разговор. Несмотря на то что мы братья, нам предписаны разные дороги.
- Дороги? О чем ты?
- Я – странник.
- Странник?.. Удивительно. Мне непонятен твой ответ. Ты возделываешь землю, на которой произрастают плодоносящие растения и колосья... Допустим, ты действительно преодолеваешь расстояния – туда и обратно, вдоль своего огороженного куска земли. Но эти расстояния столь малы, что их невозможно принять за дороги путника. Если уж на то пошло, то путешественником, скорее, можно назвать меня – простого пастуха, кто, повинувшись предписанному испокон веков роду занятий, от восхода до заката бродит по полям, сопровождая смиренные стада.
- Брат, ты и не подозреваешь о том, что за дороги простираются предо мной и куда они ведут!
- Так расскажи мне.
- Еще не время. Ты должен все увидеть сам, собственными глазами.
- В пламени костра?
- Да. Ты увидишь, как я бреду сквозь века, как преодолеваю огромные пространства...
- Но для чего? Зачем тебе эти странствия? Какую цель ты преследуешь?
- Слишком много вопросов, на которые я пока не могу дать ответа. Ты все узнаешь, но позже.
- Твой голос, наполненный глубокой печалью, твои усталые глаза и поникшие плечи тревожат меня.
- Плечи мои поникли из-за того, что на них лежит тяжкий, непосильный груз. Это кара Всевышнего – обречение на извечное и неизбежное странствование. Я должен брести из эпохи в эпоху, меняя страны и города, выполняя одну и ту же миссию. И никто не в силах помочь мне избавиться от этой скорбной ноши.
- В чем твой грех?
- Позже, брат мой, позже... Что было или будет – того уже не изменить. Целую вечность я вынужден скитаться. Я просил случайных прохожих, кто попадался мне на пути: «Возьмите нож, вонзите мне его в грудь и избавьте меня тем самым от моей участи вечного странника», – но каждый поспешно отворачивался от меня и смотрел, как на прокаженного. «Это грех вели-

кий, великий грех!» – твердили мне все в один голос. В моих руках нож непослушен – он изворачивается, падает оземь и минует мое брренное тело, оставляя меня в живых. О, если бы кто-либо знал, как это невыносимо – существовать вечно и нести свой крест вместе с невозможностью искупления!!!

– Прошу тебя, успокойся. Мне тяжело видеть, как ты страдаешь. Может быть, я смогу чем-то помочь тебе?

– Ты? О, нет, брат. Как может помочь далекая звезда страдающему неизлечимой болезнью?

– Что за неведомая болезнь терзает твою душу?

– Ты лучше все поймешь из пламени костра. Острые и проворные язычки огня расскажут внимательному слушателю обо всем, что его интересует. Смотри, в самом сердце костра мерцает магический кристалл – сейчас он повернулся к нам другой гранью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.